

*Яд и топор – таковы были два орудия,
предложенные Лениным и Троцким для полной
и окончательной победы коммунизма над верой.*

Александр Нежный

*Ленин будет как Конфуций для Китая –
абсолютный авторитет.*

Портреты будут в домах ставить.

Лев Данилкин

*Эта длань указывала путь к победе над всем:
над духом, над верой и над природой.*

Сергей Волков

Память искушена и избирательна. Память – инструмент: скальпель, долото, стеклорез, пресс и молот. Память вырезает неприятное, составляя нужные, а не фактически существовавшие лекала. И с каждым годом лекала те под бритвой памяти меняют форму.

«Рационалистическое понимание Промысла Божьего неизбежно должно привести к отрицанию зла», – так когда-то говорил Бердяев. Должно привести, однако не приводит или приводит не окончательно.

И дольше века длится... лениниана.

Оказывается, не исчерпана тема. Чередуются циклы объективности взглядов и субъективности мифов и легенд о Ленине. Сейчас, видимо, идет цикл отбеливания; документы и факты – в сторону. Сформировался разброс

от Ленина-скомороха, фотографирующегося на Арбате с прохожими, до Ленина-молоха. Ленин-ценотаф и Ленин-пантократор. Есть разброс. И есть выбор: какого Ленина оставить в памяти. Время такое. Время искажения. Время отбеливания.

Год 1991.

Страна бурлит. На улицах счастливые лица вперемешку с испуганными и растерянными. Нарасхват подъемные краны, их гонят к раздражавшим памятникам. (Здесь памятники сбрасывают с пьедесталов, через двадцать лет их будут снова возводить, хотя бы мысленно-мечтательно или литературно-мифологически.) Во дворах и на кухнях бурные обсуждения за чаем и под «Столичную» или «Русскую». А один странный человек посреди всеобщего хаоса, спонтанной архитектурно-урбанистической работы на площадях пробирается к монументальному зданию на Лубянке и получает-таки разрешение на посещение только что открытых архивов.

Познакомимся. Александр Иосифович Нежный – публицист, эссеист, прозаик.

Да, писатели все же казусный народ. Все прочие обходят зловещую лесху стороной, а писателя тянет в логово. Разве не возникает ощущение, что десять (а возможно, и более) массивных дверей, зловеще ухающих за спиной, могут и не открыться на обратном пути?

Получив допуск, как говорится, по горячим следам, Александр Нежный принимается за труд, неподъемность которого и влияние на собственную душу не смог оценить и взвесить заранее. Подобный груз потяжелче одиннадцати тонн металла, снятых с пьедестала на Лубянской площади. Так писатель начинает работу над своей книгой «Допрос Патриарха», куда войдут публицистические эссе и новеллы «Плач по Вениамину», «Комиссар дьяво-

ла», «Звон небесный». Автор поясняет: «Моя книга – не суд, а всего лишь материалы к нему. Судит не человек – Бог, а мое скромное дело было – вслед за авторами, собирающими свой материал буквально из-под глыб, накопать в секретных и несекретных архивах как можно больше правды и облечь ее в обжигающие человеческую душу слова».

Нежному в 1991 году пятьдесят один год, к тому времени из-под пера его вышло уже более сотни газетных и журнальных статей, издано десять книг. В год перелома режима публицист ставит себе целью максимально использовать возможность освободить общественное сознание от затемняющих его мифов. А личное кредо писателя – рассказать правду, привить людям нетерпимость ко всякой фальши. «Когда дурит народ чиновник – понятно, когда лжет писатель – противно, когда фарисействует священник – страшно».

Писатель приступил к архивам КГБ и КПСС, к тому времени закрытым на шестьдесят лет и практически никем не востребованным: «Из сокровенной глубины главного партийного архива... я извлек на свет божий некую тень из числа тех, кому следовало бы навсегда оставаться в тени. Великая скорбь гнула меня. На всякой странице проступала кровь, из всякого слова рвался стон. Скажу теперь, что выпал мне труд изрядный и невеселый – в зале с беломраморным Ильичом читать и переписывать все сто восемнадцать протоколов Антирелигиозной комиссии (1922–1928 гг.). Кто их прочтет, тот уже никогда не позволит одурочить себя сказками об “ошибках” и “перегибах”».

Писателю довелось работать с документами под грифом «Секретно», «Совершенно секретно», «Хранить конспиративно», «Хранить наравне с шифром». А заголовки протоколов говорят сами за себя: «О содействии

ГПУ в борьбе с тихоновщиной» (последний патриарх всея Руси – Тихон), «О церковных ценностях», «О ликвидации монастырей», «О закрытии церквей», «О ликвидации мощей» и так далее (страшное «и так далее», если учесть, что собиралась комиссия регулярно – раз в две недели, по вторникам).

Автор приводит выдержки из распоряжения Троцкого товарищам по партии «о расколе духовенства» и «расправе над черносотенными попами», а также из секретного письма Ленина Молотову от 19 марта 1922 г. с требованием «попов стрелять в возможно больших количествах». И добавляет: «В письме, ледяная жестокость которого раз и навсегда кладет конец слащавой болтовне о человеколюбии основателя коммунистической партии, сказано, что церковные ценности следует употреблять для государственной работы, хозяйственного строительства и укрепления международного положения. О помощи голодающим – ни слова».

Александр Нежный от лица рассказчика (тут вспоминается и Рассказчик из «Пантократора», но о том речь впереди) говорит о глубокой, неделимой ни с кем печали, о слезах и великом поте, с какими выкапывал из архивов достоверность, содержащуюся в открытых документах. Когда приставленный к «гостю» сотрудник объявил о сокращении отведенных часов, у писателя даже руки затряслись, и следующие сведения переписывал в невероятной спешке. А перед ним два следственных дела питерского митрополита Вениамина и патриарха Тихона – в несколько десятков томов. Когда стал у работника допытываться, сколько же времени отпущено и чьим решением отобрано, получил в ответ иезуитски-предупредительную ухмылку «мы вас избаловали». И снова ежедневно, с утра и до половины шестого вечера, вгрызался в массив документов, за протокольными канце-

ляризмами которых вставала живая картина «театральных» судов и надуманных расстрельных обвинений. Время от времени освобождался от текста и, приходя в себя, оглядывался – все тот же подвал, и дверь еще приоткрыта.

Когда привыкли друг к другу с тем самым приставленным сотрудником, начали разговаривать на отвлеченные темы, пикируясь, в сущности, проверяя друг друга. Однажды дошло дело до исключительной откровенности. Но лучшим будет привести прямую речь писателя и его «опекуна»: «Сотрудник сказал при выдаче последних трех томов следственного дела Вениамина: “Если государство стремится быть сильным – а это стремление и есть его природа, – оно должно подчинить себе все: личность, культуру, семью...” – “И Бога?” – “Бога – в первую очередь. – Он холодно на меня взглянул. – Вы думаете, что вот это, – ткнул он в картонную обложку одного из томов, – затеяно было только ради того, чтобы какого-нибудь попа поставить к стенке? В таком случае овчинка не стоила бы выделки. Бог должен служить государству. Ах, он отказывается выполнять свой гражданский долг? Прекрасно. Мы его заменим. Все будет точно так же: церкви, попы, обряды... Иконы те же самые. Только Бог будет другой”. – “Какой?” – едва смог вымолвить я. Он усмехнулся: “Да не переживайте вы так. Читайте себе. Ищите вашу правду. Но я хотел бы, чтобы вы поняли... Я вам даже скажу кое-что, о чем мне говорить совершенно не положено, но я скажу. Церковь – здесь. – И он плавно повел рукой, указывая на стены подвала и его потолок. – Вам пояснить?” – “Не надо”, – мрачно ответил я».

Как тут показать паузу?

А ведь пауза после подобной филиппики необходима. Требуется перевести дыхание – Бога ведь заменяют.

Если вдуматься, по мощи озвученный Нежным диалог – евангельского посыла, булгаковского разряда.

Александр Иосифович тоже, вероятно, многое мог бы и хотел сказать на подобное откровение визави. Но дело довершить казалось важнее: оставались непереписанные следственные тома. Потому промолчал. Но тогдашнее внутреннее ощущение все-таки позже зафиксировал и передал читателю: «Я ваньку перед ним валял, а он меня крепкими своими зубами давно разгрыз. Не глядя в глаза. Глубоко в себе запрятав самого себя. Я же не правдоискатель, что вы! Я всего лишь родственник. Внук. Ваши моего деда убили, и он меня на коленях никогда не качал. Вы его у меня изъяли – как церковные ценности, как правду, как Россию и как мое право на скорбь. Вы сначала храмы ограбили, а потом – меня. И теперь едва терпите мое присутствие в хранилище избобличающих ваши преступления свидетельств. Ничего я ему не сказал. Зачем?»

Состояние человека, заглянувшего в бездну, уготованную другим, понятно. Ему трудно справиться с увиденным, трудно вместить. И пережить, вынести заставляет только долг, никем, кстати, не возложенный, взятый добровольно писательский высший долг, просто человеческий, гуманистический – рассказать, обнародовать, чтобы не повторилось. И писатель, будто спрошенный Богом, снова спускается в подвал. Снова делает выписки из документов. А затем дома переосмысливает прочитанное и делает уже записи собственного переосмысления.

Вот такие, например: «Лично меня под несомненным впечатлением здесь прочитанного (в архивах) не оставляет мысль о преобладании темного начала в нашей общей русской душе. Оно чрезвычайно деятельно, целенаправленно, мощно, иногда бывает тупым, иногда – весьма расчетливым, но почти всегда излучает непоколебимую уверенность в своей правоте и силе».

«Вениамин мог читать в человеческих душах. Но в России у власти оказалась новая порода людей – без души».

«Советский человек до такой степени любит Советскую власть, что не смеет огорчить ее отказом в жертвоприношениях».

«Было бы, мне кажется, даже странно, если бы народы России оказались духовно здоровы после семидесятилетнего участия большинства в сознательном и неосознанном распятии Христа. И было бы в высшей степени удивительно, если бы мы на диво всему свету вдруг явили бы редкостное умение отличать чистое золото христианства от соблазнительных своей яркостью и дешевизной подделок. С печальной трезвостью можно заметить, что бедное наше Отечество страдает от мучительнейшего духовного педикулеза. Надо спасать и отогревать продрогшие на ледяных ветрах повального атеизма души. Надо выводить народ из состояния полужазычества к Богу, из полутьмы – к свету, из болезни – к здоровью. Как во времена апостолов, так и в наши скорбные дни тут есть только одно средство. Просвещение. Восстановление в падшем Адаме Христа, в озлобившемся человеке – любви, в надменном уме – смирения. Воспитание удивительнейшего, ни с чем не сравнимого, непреходящего и всегда радостного чувства внутренней свободы, той свободы, которую даровал нам Христос и которую многие столь легко и бездумно готовы отдать в обмен на привычное рабство».

В цитируемом произведении Нежный выдвигает тезу, что блудный сын – это есть все человечество. Ему возвращаться к Отцу Небесному. Нашей стране, по мнению писателя, «возвращаться из такой пропасти социальной нищеты и духовного оскудения», что предстоит ей долгий подъем.

Автор «Допроса Патриарха» говорит, что над нашими делами не бывает могильных холмов (кенотафов – добавим мы), и мечтает о России умиротворенной.

Год 2017.

В этом году Лев Данилкин написал своего «Пантократора». Вышедшие после публикации интервью «От революции до мавзолея», «Ленин: живее всех живых?», «Ленин и контрреволюция» и прочие, размещенные в общем доступе, яснее, чем книга, проявили позицию писателя.

Ощутимое, нескрываемое равнодушие любого автора к главному герою само по себе есть непременно условие выигрышности текста и возникновения интереса читателей к произведению. Все бы ничего, да вот сама фигура протагониста одиозная и архинеоднозначная.

После нескольких выступлений Данилкина о его работе над художественной, не дефинитивной биографией создалось впечатление, что автор подпал под симпатию к своему герою – ловцу лжи; собственно, этот момент подмечают многие. Вот, к примеру, одно из мнений, а именно автора научной статьи «Очень большая книга» Бориса Кагарлицкого: «... в следующих главах книги описывается уже совершенно иной Ленин, не имеющий никакого отношения к первому (по-видимому, даже с ним не знакомый). Это чудаковатый государственный чиновник, действующий в полном соответствии с этикой «национального интереса», – ради чего и Коминтерн создается, и антиколониальная борьба затевается. Иными словами, Ленин из первой половины книги деньги бы взял, а тот, второй, – уже нет».

Да, в общем-то, и сам автор биографии не скрывает своих предпочтений: «Я не буду тут разводить антимонии насчет того, что Автор и Рассказчик – не одно и то же, что для этой книги мной специально был сконструирован

Рассказчик, который довольно существенно отличается от Автора, чьи представления о Ленине находятся в более, м-м, застывшем состоянии. Но то, что в книге два, по сути, главных персонажа – Ленин и Рассказчик, – важно. И что в ней рассказана история не только самого Ленина, но и история Рассказчика: как он меняется, изучая феномен Ленина, наблюдая своего героя в разных обстоятельствах».

Или вот еще прямая речь о том же герое: «Симпатичен как великий модернист, как одержимый идеей изменить мир для справедливости, интеллигент, способами исторически необходимыми делал то, что делал. Можно настричь все что угодно, любой образ Ленина. Но когда вы смотрите сплошняком (документы и факты?), никаких эксцессов там не прослеживается. Ему было чудовищно больно и плохо, может быть, в моральном плане он и заслужил это (болезнь)».

Акцентируем: «смотрите сплошняком» и «никаких эксцессов там не прослеживается». Какие же материалы штудировал автор, если пропустил «эксцессы»?

Посмотрим и мы. Только лишь отвернем краешек страницы, не приводя все 55 томов.

«Можете ли Вы еще передать Теру, чтобы он все приготовил для сожжения Баку полностью в случае нашего шествия и чтобы печатно объявил это в Баку» (В. И. Ленин. Известные документы, 1999, с. 239).

«В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п. Ни минуты промедления. <...> Надо действовать вовсю: массовые обыски.

Расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных... » (Ленин, ПСС, т. 50, с. 142).

И как подобное можно не классифицировать чрезвычайными происшествиями, злодеяниями? Неужели прогрессору прощается все? Героев не осуждают и не оплакивают, лишь демонизируют и обожествляют?

Еще раз акцентируем высказывание: «... может быть, в моральном плане он и заслужил это (болезнь)». Да, всегда разбавит смыслы вводное слово с неопределенной коннотацией «может быть», всегда есть лазейка, возможность списать последствия трагедии на архивное время, на характер эксцесса исполнителей, как сейчас принято говорить. Тут писатель как будто бы превентивно оправдывается и чуть даже отступает, чтобы не слишком шокировать публику своей апологетичностью. На самом деле прогрессору и пассионарию обижаться не стоит: он-то – протагонист – прочно возобладал над автором.

Наш автор уверенно проповедует: «Я думаю, что неспособность общества договориться насчет Ленина временная. У нескольких поколений аллергия, перестроечные все эти токсины действуют, интеллигенция и националисты – все – его демонизируют по инерции. Но наверно, у родившегося после 2000 года поколения уже не будет этой врожденной усталости от Ленина, они выдохнут и заключат “мирный договор о Ленине”». Правда? Данилкин не эпатирует? Это он всерьез?

Суть высказывания укрыть, тем более когда не стоит такая задача, трудно. Что поделать, магнетические личности обладают свойством распространять и даже насаждать симпатии в поле своего действия. Объяснение невозможности миновать магнетизм «шарма» дает другой писатель, речь о котором шла выше: «Материа-

лизм в чрезвычайных дозах даже в талантливом человеке убивает всякий вкус – тут уж ничего не поделаешь» (Нежный). Действительно, со вкусом и выбором что-то не очень у автора «Пантократора».

Приведенное достаточно показательно для понимания, почему Лев Данилкин называет в своих выступлениях самым существенным последствием революции колоссальный демографический переход: «Из азиатской демографической модели, где было в среднем восемь детей у одной женщины, к европейской модели с двумя детьми в семье».

Притом автор опускает – намеренно или случайно – иные, не менее грандиозные и глобальные и равные или превышающие по изменяющей силе последствия Переворота: поражение в правах (сов. декреты всех не уравнили), намеренное обеднение культуры, потеря достатка и земель вместо декларируемой их раздачи. Да и забывает про гибель самих людей – невозполнимый эффект всякого гражданского противостояния. Повысилась грамотность – понизилась нравственность. При кампании ликвидации безграмотности попутно прокручена глобальная афера: беспрецедентное изгнание и изъятие носителей культуры – но и о том почему-то молчок в поствыступлениях. Разве не это стало необоримыми последствиями Октябрьского переворота, не то, что Петрушевская определяет как «убийство интеллекта»? А указанная полезность демографических перемен с переходом на европейскую модель и переселение народов является лишь сопутствующим фактором двух войн и революции, неотъемлемым атрибутом времен немира. В войну и рожают меньше, и бегут с мест оседлости – это факт. Но не оправдывающий. Не определяющий.

На поставленный им самим вопрос, почему победила революция, Лев Александрович перечисляет веские

аргументы и основания, говорит правильные, понятные вещи, упоминает общепринятую подоплеку событий. Создалась неотменяемая совокупность причин: 1. Режим был неспасаем. 2. Вершители (человекоорудователи) прикоснулись к возможности творить, менять государствоустройство – это возбуждает – и не имели предрасудков, в отличие от представителей «старого мира». 3. «Старый мир» слишком в своем круге, слишком старый, слишком усталый, слишком все мучительно надоело, в «железном» русском, сносившем все мытарства характере накопилась «усталость металла». Кажется, все тут верно, но вдруг в речи писателя проскальзывает термин «неэффективное население», и внезапно мерещится тень главного героя – Пантократора Революции, не сам же писатель так думает, скорее, тот – симпатичный – подсказывает. Он же «живее всех живых», мы это помним. Да и забыть нам не дают, выкапывают из земли, поднимают Ильича в полный рост, ставят вертикально, воздвигают памятник на виду всего города/городов – эти события происходят в книге, написанной уже после «Пантократора», а именно у С. Волкова в романе «Ильич».

Как известно, Льву Данилкину для написания увесистого его труда пришлось потратить пять лет, поехать по свету, исходить по пятам «ленинские места», прочесть, кажется, 55 томов сочинений, переработать внушительный массив материалов. И когда представляешь современного молодого человека, воодушевленного столь скучной, но необходимой при написании биографии пассионария работой – копанием в бумагах, то возникает пример и образ другого воодушевленного писателя, осиливающего неподъемный документальный фонд тридцатью годами ранее. Но каковы итоги той работы, каковы подходы... Один словно в бездну заглядывает, другой смотрит из окна паба на смешливого

добррячка-призрака, прокатившего мимо на велосипеде в лучах солнечных пылинок.

Год 2021-й.

Сергей Волков пишет роман-кенотаф «Ильич».

Опустим, что вещь эта о танатовских 90-х и могла бы быть интересна просто заявленной темой. Опустим, что текст-кенотаф рассказывает не о смерти, а о жизни провинции, о повседневности небольшого городка, о любви молодых людей. Но задумаемся о другом: зачем автор касается темы воскрешения почившего вождя? Для чего поднимает тень незахороненного на 24-метровую высоту? Зачем воскрешает непогребенного? Только ли для того, чтобы сдать скульптуру в металлолом и пожить-ся на драгметаллах? Почему именно Ильича? Понятное дело, это самый распространенный памятник отчизны, входящий в монументальный топ; литой Ильич до сих пор встречается в самых неожиданных и ожидаемых местах, портит урбанистический пейзаж типичной убогостью вымысла: кепочка, рука, анекдотично указывающая на ближайший вино-водочный.

Но вот наш автор взялся поднимать не Пушкина или Гагарина не менее популярных, а ведь возводит из небытия вождя всех народов, «главного» пролетария мира. Цель: продолжить литературную лениниану? Или тоска по ушедшему времени: там было больше справедливости, по мнению автора? Подзабыли? Надо напомнить? Увековечить в очередной раз?

Быть может, Волков почуял живое в бессмертии, о котором обмолвилась Е. Черникова: «Думать надо камнями, не мыслями; думать о Ленине полезно: он частично, не совсем умер».

Вот и возводится идол на пьедестал. Вот и снова божество готово для поклонения – выставлено в полный рост

перед читателем. И даже мощь его не утеряна, в чем уверяет нас автор: покойник еще в силах устроить армагеддон, пусть даже местного масштаба, порвав провода ЛЭП и оставив город без света.

Нет, не в одной идее фикс об обогащении героя тут дело, не только диспач волнует персонажа. Тут прослушивается легкое придыхание автора перед былым величием: «И над всем этим простиралась бронзовая длань человека, однажды родившегося на берегу великой русской реки и повернувшего жизни людей и судьбы народов вспять. Эта длань указывала путь к победе над всем: над вещизмом и над сутью вещей, над духами и над духом, над верой и над природой, над иррациональным и над рациональным».

Вот так вот: у Волкова победу над миром правит Ильич – над духом, над природой, над сутью вещей. И пишется роман-кенотаф, возводится как склеп, как курган над местом гибели не только танатовской эпохи 90-х, но и отдельно взятой персоны.

Памятник памятнику.

Что же автора упрекать? У каждого свои предпочтения и пристрастия. Но тут тема общезначимая, имеющая последствия мирового масштаба и вековой разрушительности. Забыть бы как страшный сон. Или так: помнить, но не воскрешать. И даже ждать часа, когда повиниться миром. Но нет-нет, мир – неоднороден. Мир забывчив. Мир компромиссен и в большей степени равнодушен. За исключением некоторых персон с собственным пietetным или непереносимым отношением к той самой ленинине и ее изваяниям.

Все дело во времени, да? Чем дальше от события, тем менее гибельным и отвратительным оно предстает. И даже документы, над которыми склоняется в своих трудах писатель, похоже, говорят через него по-разному, на свой лад.

Но, дорогие авторы, вы всерьез?

Признайтесь уже, вы шутили, вы не отбеливали одиозную персону. И для вас Ленин все же – изувер, а не гриб. И если этот труп, поднятый самими 90-ми в полный рост, подернутый патиной, пропитавшийся духом прелой земли, влияет на действительность, на жизнь населения города – по-волковски, есть победитель мира, – то каким же будет следующий Ленин? Ленин будущих дней.

Так и видишь согнутые спины трех писателей над документальными материалами эпохи, фиксирующих одно переломное, тектоническое событие. Но так по-разному фиксирующих, так субъективно. И стоит помнить – как по Черниковой – «бесценный опыт большевизма – в акмеистическом представлении сатанинской мысли».

Что же спасет мир? Красота?

Мистерия красоты присутствует, но мир не спасен.

Может быть, искупление? Но судя по нынешней литературной повестке, до искупления мы не доросли.

Мы топчемся еще на пути восхваления зла в тренде ленинианы. Мы поднимаем призраки. Забыли про Бога, но помним божков. И судя по тому тренду, мир не спасаем.

Что это за страна – Россия умиротворенная? Кому придется в ней жить? Ну уж точно не нам... Но хорошо бы на пути к умиротворению попытаться не соблазняться патиной, не отбеливать пятна истории, не очаровываться затемняющими правду мифами и не симпатизировать ловцам и отцам лжи.

Источники:

<https://cyberleninka.ru/article/n/lenin-pantokrator-solnechnyh-pylinok>

<https://rust1964.livejournal.com/294083.html>

<https://daily.afisha.ru/brain/4945-lenin-budet-kak-konfuciy-dlya-kitaya-absolyutnyy-avtoritet/>

https://www.youtube.com/watch?v=BaougWRQ_oU

<https://www.youtube.com/watch?v=gFEORmGZjGs>

<https://www.youtube.com/watch?v=sFbOVm6R-yl>

<http://esxatos.com/nezhnyy-dopros-patriarha>

Лев Данилкин. Ленин. Пантократор солнечных пылинок. – М.: Молодая гвардия, 2017.

Александр Нежный. Допрос Патриарха. – М.: Грааль, 1997.

Сергей Волков. Ильич. – М.: Пятый Рим, 2021.

<https://www.labyrinth.ru/books/796345/>

Черникова Е. В. По следам кисти. Литбюро Н. Рубановой, 2021.